

Кученкова А. В., Татарова Г. Г.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТРАН ПО ХАРАКТЕРИСТИКАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта № 14-03-00279 «Логико-комбинаторные методы как средства типологического анализа в социологии», выполняемого при поддержке РФНФ.

Кученкова Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета.

Россия, Москва, 152903, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.

E-mail: a.kuchenkova@rggu.ru

Тел.: + 7 (499) 973 42 12

Татарова Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

E-mail: tatarova-gg@rambler.ru

Тел.: + 7 (495) 125 00 71

Аннотация. Статья посвящена апробации логико-комбинаторного подхода для выявления типологической структуры стран по характеристикам политической культуры населения. Он представляет интерес в ситуации небольшого объёма анализируемых данных и использует идеи качественного сравнительного анализа (КСА, *qualitative comparative analysis, QCA*) основанного на понятии *нечётких множеств*. Эмпирической базой являются первичные данные Европейского социального исследования (проект ESS) трёх волн (2008, 2010, 2012 гг.). В процессе вторичной концептуализации имеющихся данных обосновывается переход от индивидуальных к групповым измерениям политической культуры населения стран. Вводится система типобразующих признаков, опираясь на теоретическую типологию политических субкультур, предложенную Ф. Хойнсом и Ф. Хикспурсом. В качестве таких признаков рассматриваются: *политическая активность, интерес к политике, доверие политическим институтам и деятелям*. Осуществляется переход от типобразующих признаков к эмпирическим индикаторам и далее к классификационным признакам (в виде индексов). Проводится классификация стран по данным каждой из волн. На основе сравнения выявленных типологических структур делаются выводы о достаточной устойчивости этих структур, что иллюстрирует познавательные возможности предложенного логико-комбинаторного подхода в качестве инструментального средства социолога.

Ключевые слова: кросскультурные исследования, вторичная концептуализация, показатели, политическая культура, типологическая структура, типобразующий признак, логико-комбинаторный метод.

Постановка исследовательской задачи

В многочисленных международных сравнительных исследованиях фиксируются существенные различия между населением разных стран по характеру ценностных ориентаций, по социальным установкам и др. В контексте изучения

политической сферы общества одним из оснований сравнения стран выступает *политическая культура населения*. Зафиксированные *эмпирические закономерности* объясняются особенностями исторического развития отдельных макрорегионов, политического и экономического положения государств, культурной спецификой. При этом зачастую без особого внимания остаётся ответ на вопрос: *насколько устойчивы такие закономерности и сохраняются ли сходства и различия в политической культуре разных стран на протяжении длительного времени, либо они постоянно претерпевают изменения?*

В процессе поиска ответа на этот вопрос актуализируется проблематика разработки теоретико-методических оснований для выявления *типологической структуры* совокупности стран по специфике политической культуры населения. При этом существенную роль играет *социологическая контекстуальность*, т. е. исследовательская ситуация в рамках которой возникает научная рефлексия о таких основаниях. Прежде всего, это характер самих первичных для анализа данных и цели, для достижения которых он проводится. В ситуации вторичной концептуализации данных массовых опросов (наш случай) исследователь ограничен рамками имеющихся первичных эмпирических индикаторов. Поэтому, не претендуя на глубокие содержательные выводы и ориентируясь на жанр *поискового исследования* по апробации некоторого подхода к выявлению типологических структур стран, в статье обосновывается выбор типобразующих признаков; вводятся «страновые показатели»; предлагается технология проведения типологического анализа¹ стран посредством одного из алгоритмов из класса логико-комбинаторных методов²; сравниваются типологические структуры в динамике.

Эмпирическая база исследования – первичные данные опросов населения 24 стран, проведённых в рамках Европейского социального исследования (проект ESS) в 2008, 2010, 2012 гг. [Европейское социальное..., 2014]. Поскольку каждый год состав стран-участников проекта менялся, отобраны страны, представленные во всех трёх волнах.

Обоснование перехода к страновым показателям

Индивидуальные мнения относительно политической сферы, как известно, могут быть крайне неустойчивыми, ситуативными, зависящими от текущих событий. Особенно подвержены значительным колебаниям оценки политических событий, политических деятелей и институтов. Скандал, связанный с чиновником или какой-либо государственной структурой, продвижение непопулярных

¹ В статье используется языковая и логическая структуры типологического анализа как особого вида анализа данных, метаметодики [Татарова, 2007а, 2007б, 2012].

² Статья является продолжением исследования по изучению возможностей использования различных логико-комбинаторных методов для целей типологического анализа [Кученкова, Татарова, 2013].

реформ или законов, ситуация экономического кризиса или период стабильности, значимые внешнеполитические события и многое другое могут оказывать как краткосрочное, так и долгосрочное влияние на *политические установки* населения. Уровень интереса населения к политике может варьироваться в зависимости от того, проводится ли опрос в период перед выборами федерального уровня или через месяцы после. В экспериментах продемонстрировано, что даже просмотр телепередачи, в которой обсуждалась общественно значимая проблема или событие, может изменить точку зрения респондента по соответствующей политической проблематике [Цаллер, 2004: 106–137]. Отвечая на вопрос, респондент сопоставляет аргументы «за» и «против» по предлагаемой теме, озвучивает то, что первым актуализируется в его памяти (либо имеющие устойчивый характер, либо возникшие совсем недавно под влиянием внешних обстоятельств). Несмотря на то, что особое значение приобретает влияние СМИ, транслирующих и предающих широкой огласке определённые события и происшествия, по утверждению ряда исследователей [Красильникова, 2002], даже наиболее существенные по своим последствиям события общественной и политической жизни забываются в течение 6–9 месяцев.

Безусловно, события личной жизни оказывают более сильное влияние на мнения и установки респондентов, чем далекие от них события, происходящие в политической сфере. В целом индивидуальные источники изменения мнений не имеют систематического влияния на результаты опросов, поскольку случайным образом распределены в генеральной совокупности. Более важными оказываются события, которые могут повлечь систематические смещения в распределении ответов респондентов [Stoop, 2007]. При существенной изменчивости индивидуальных мнений, общие тенденции на уровне стран являются достаточно стабильными. Как отмечается [Инглхарт, 1997], для того, чтобы произошли значимые изменения в ценностных ориентациях и установках населения одной страны, необходим долгий период стабильного общественного развития, либо кардинальные перемены.

Для перехода к «страновым» показателям измерения политической культуры необходимо опираться на какие-то теоретико-методические основания, к рассмотрению которых и переходим.

Об измерении политической культуры

Понятие «*политическая культура*» в широком смысле включает практически всё, что связано со сферой политики (от институтов, традиций, государственной символики до политических убеждений

населения, специфики исторической памяти и др.). В этом случае как явление политическая культура интерпретируется как часть культуры, связанная со всеми составляющими политической сферы жизни общества. В узком смысле под политической культурой понимается система политических ориентаций (диспозиций), ценностей и установок по отношению к политическим институтам, представителям власти, к самому индивиду как субъекту политического поведения. Вторую трактовку в отличие от первой можно подвергнуть эмпирической интерпретации.

Для обоснования выбора типобразующих признаков обратимся к показателям политической культуры страны, которые используются в исследовательской практике. В одних случаях вводится объёмная система показателей на основе выстраивания целостной *концептуальной модели измерения* [Назаров, 1998; Патрушев, 2003], в других – не столь объёмная [Кофанова, 2008; Рукавишников, Халман, Эстер, 1998]. Вне зависимости от объёма важно, что их сопоставление позволяет выделить ключевые характеристики, присутствующие у всех авторов и тем самым образующие *ядро предмета типологии* для измерения политической культуры¹. К ним относятся характеристики политического сознания (установки, ориентации):

- *интерес к политике* (политическим событиям, частота обсуждения политических вопросов в кругу близких и знакомых, важность происходящего в стране);
- *ощущение политической значимости* (убеждённость в важности политической активности, уверенность в возможности оказывать влияние на власть);
- *информированность и компетентность* (осведомлённость о текущих политических событиях, политическая грамотность);
- *доверие* институтам власти различного уровня, политическим деятелям и организациям.

В большинстве случаев к этим показателям добавляют характеристики политического поведения индивидов: *электоральную активность* (участие в общенациональных и местных выборах, референдумах), *готовность участвовать (участие)* в протестных акциях (подписании писем, митингах, демонстрациях) и в деятельности политических партий, движений. Реже встречаются такие показатели как *политическая идентификация* (как на уровне идеологий, так и поддержки конкретных партий и политических лидеров), *политические ценности* (отношение к демократии, свободе и равенству, роли государства, рыночной экономике и др.). Эти показатели скорее относятся к периферии, чем к *ядру предмета типологии*. Кроме этого используется и *межличностное доверие* как опосредованно влияющее на политическую культуру.

¹ Подробнее о сопоставлении моделей измерения политической культуры см.: [Кученкова, 2014].

Моделей измерения политической культуры может быть множество, соответственно и типологические структуры могут выявляться по разным основаниям. Для принятия методических решений в процессе вторичной концептуализации представляется возможным и целесообразным исходить из теоретических построений, предложенных Ф. Хойнксом и Ф. Хикспурсом [Heunks, Nikspoors, 1996]. Опираясь на концепцию Г. Алмонда и С. Вербы, они использовали три ключевых показателя (интерес к политике, доверие политическим деятелям, политическая активность) и на основании уровня их выраженности (высокий, средний, низкий), выделили 12 типов *политических субкультур* (см. таблицу 1). Для наглядности без особых пояснений приводим метки¹ (имена, названия субкультур), введённые Ф. Хойнксом и Ф. Хикспурсом [Heunks, Nikspoors, 1996: 73].

Таблица 1

Типология политических субкультур Ф. Хойнка и Ф. Хикспурса

Степень участия в политических акциях (<i>политическая активность</i>)	Уровень интереса к политической сфере	Уровень <i>доверия</i> политическим институтам и структурам	
		Высокий	Низкий
Высокая	Высокий	Гражданского участия	Участия
	Средний	Гражданская	Автономная
	Низкий	Клиентистская	Протестная
Низкая	Высокий	Наблюдатели	Наблюдатели
	Средний	Наблюдатели	Наблюдатели
	Низкий	Подчинения	Приходская

Несмотря на то, что это довольно упрощённая модель, её можно положить в основу решения исследовательской задачи по апробации логико-комбинаторных методов для выявления типологической структуры совокупности стран. В этой классификации политических субкультур отличия между некоторыми типами становятся не столь существенными (что косвенно подтверждается приписыванием авторами одного и того же названия – «наблюдатели» – сразу четырём типам политических субкультур). Более того, некоторые субкультуры на практике оказываются крайне малочисленными. Ф. Хойнкс и Ф. Хикспурс вычисляли доли видов субкультур в каждой стране и по этим результатам видно, что некоторые из них крайне малы по объёму [Heunks, Nikspoors, 1996]. Кроме этого содержательно не различаются такие из них, как: «гражданского участия» и «гражданская»; «участия» и «автономная». При делении на 12 типов отличия между некоторыми субкультурами становятся не наглядными, поэтому представ-

¹ Перевод наименований на русский язык позаимствован у [Рукавишников, Халман, Эстер, 1998: 156].

ляется возможным опираться на ещё более упрощённую модель, сократив виды политических субкультур до 8 (см. таблицу 2) используя вместо трёх два значения показателя «интерес к политике» (высокий и низкий).

Таблица 2

Упрощённая типология политических субкультур

№	Уровень политической активности	Уровень интереса к политике	Уровень доверия политическим институтам и деятелям	Тип политической субкультуры
1	1	1	1	Гражданского участия
2	1	1	0	Автономная
3	1	0	1	Клиентистская
4	1	0	0	Протестная
5	0	1	1	Наблюдатели 1
6	0	1	0	Наблюдатели 2
7	0	0	1	Подчинения
8	0	0	0	Приходская

Представленные «идеальные типы» политических субкультур, описанные комбинацией, состоящей из нулей и единиц, могут быть распространены в отдельно взятой стране в разной степени и в свою очередь могут выступать в роли типобразующих признаков для проведения типологического анализа в восьми-мерном пространстве классификационных признаков.

В нашем исследовании идеальные типы используются для решения достаточно локально поставленной задачи, а именно для оценки *близости* стран к этим типам по характеру доминирования в них определённой политической субкультуры. Соответственно типобразующие признаки — политическое участие, интерес к политике, доверие политическим институтам, структурам, деятелям — для введения «страновых» показателей.

Типобразующие признаки — эмпирические индикаторы — классификационные признаки

Три типобразующих признака требуют поиска в базе данных Европейского социального исследования адекватных им *эмпирических индикаторов*. Они — основа для конструирования производных показателей, позволяющих перейти от индивидуального к групповому уровню измерения с тем, чтобы считать страны *объектами классификации*, а показатели — основой для формирования классификационных признаков (тех, которые подаются на вход метода классификации). Формирование «страновых» показателей (*индексов*) может проходить по разным схемам. Например, в качестве индексов можно рассматривать

степень выраженности *высокого* уровня проявления политической активности, интереса к политике, доверия политическим институтам, структурам, деятелям. Схему соотнесения типобразующих признаков с эмпирическими индикаторами рассмотрим именно для этого случая.

Первый типобразующий признак – *политическая активность* – теоретически включает несколько составляющих: электоральную (участие в выборах местного, регионального, федерального уровней), конвенциональную (членство в политических партиях, организациях, движениях; обращение к политическим деятелям и др.), протестную (участие в митингах, демонстрациях, забастовках, подписание петиций и др.). Зачастую в качестве основной рассматривается электоральная составляющая, что вряд ли оправдано. Очевидно, что необходимо учитывать и другие индикаторы, свидетельствующие о вовлечённости в политику, наличия желания и стремлений повлиять на неё, наличии собственной инициативы и готовности её реализовать. Для наших целей важно было оценить долю респондентов, *наиболее активных* в политической сфере в каждой стране. Кроме участия в выборах национального / федерального уровня в качестве эмпирических индикаторов использовался блок вопросов о других формах участия (конвенционального и протестного), в том числе участие в работе политической партии / движения, обращения к политикам / в политические органы, участие в демонстрациях, подписание петиций / обращений, ношение специальной символики. Как показывают результаты исследований [Newton, Montero, 2007], люди не участвуют одновременно во многих видах политической активности, обычно, если они и предпринимают какие-либо действия, то «специализируются» на чём-то одном. Учитывая этот аспект, значения индекса «политическая активность» вычислялись как доля респондентов, *голосовавших* на последних выборах и *одновременно* предпринимавших хотя бы *одно из перечисленных действий*, связанных с политической активностью (принимавших участие хотя бы в одной из акций).

Второй типобразующий признак – *интерес к политике*. Этот показатель является одним из основных при описании политических установок населения. Кроме прямого вопроса о степени интереса респондентов к этой сфере общественной жизни измеряют частоту и продолжительность просмотра ТВ передач, посвящённых вопросам политики, продолжительность чтения соответствующих газет; частоту обсуждения вопросов политики с друзьями и коллегами. К сожалению, во всех трёх волнах опросов (2008, 2010, 2012 гг.) присутствовали только вопросы: о степени интереса к политике и о частоте просмотра ТВ передач, посвящённых политическим событиям.

Второй индикатор решено было не использовать, поскольку в последние годы многие узнают политические новости из сети Интернет и тем самым прямой вопрос о просмотре политических телепередач именно по ТВ становится не информативным. В проекте ESS в вопросе, относящемся к измерению уровня интереса к политике, использовалась четырёхбалльная шкала. Для того чтобы определить, какая часть населения в наибольшей степени проявляет интерес к политике, значение соответствующего индекса вычислялось как доля респондентов только очень интересующихся политикой. Несколько забегая вперёд, отметим, что эмпирически было установлено, что добавление категории тех, кто интересуется политикой «в некоторой степени» приводит к тому, что абсолютное большинство населения в каждой стране попадает в эту категорию. Вариант ответа – «в некоторой степени» – допускает предельно широкую его трактовку респондентами. Стремление дать социально одобряемый ответ, а также специфика политической сферы жизни общества (происходящие в ней события, например, принятие законов), оказывают влияние на повседневную жизнь людей и не могут не привлекать внимания большей части населения хотя бы в некоторой/небольшой степени) приводят к тому, что соответствующий индекс не дифференцирует страны.

Третий типобразующий признак – *доверие политическим институтам и деятелям* – так же, как и предыдущие два, является одним из ключевых в измерении политических настроений населения. Традиционными являются регулярные замеры уровня доверия первым лицам государства, органам законодательной и исполнительной власти (на национальном и местном уровнях). В базе данных были представлены вопросы об уровне доверия избираемым органам власти (для России – Государственной Думе), политикам и политическим партиям с 10-балльными шкалами. Для определения доли лиц с высоким уровнем доверия учитывались респонденты, демонстрирующие высокий уровень доверия (6–10 баллов) всем трём адресатам одновременно. Это решение обусловлено высокими значениями коэффициента ранговой корреляции Спирмена между ними (попарно) равными 0,6 и более.

В таблице 3 приведена схема соотнесения типобразующих признаков с эмпирическими индикаторами и конструирования на их основе индексов. Соответственно для каждой из трёх рассматриваемых волн (2008, 2010, 2012 гг.) были вычислены значения этих индексов для каждой из стран.

Аналогичные схемы можно привести и для конструирования индексов, отражающих степень распространённости низкого уровня.... По нашим данным оказалось, что показатели «низкий уровень...» и «высокий уровень...» взаимосвязаны. Коэффициент Спирмена для политической активности равен 0,75, для интереса к политике – 0,73, для доверия политическим институтам и деятелям – 0,92. Наличие тесной взаимосвязи между этими показателями свидетельствует, с одной стороны, об их частичной взаимозаменяемости, а с другой – о наличии дополнительного потенциала при включении их в процедуры классификации

стран. В этой связи в последнем разделе статьи приведены результаты классификации для индексов, построенных на основе низких уровней (*активности..., интереса..., доверия...*) по данным 2008 года.

Таблица 3

Схема формирования индексов

Типообразующий признак	Эмпирические индикаторы*	Индекс
Политическая активность	<ul style="list-style-type: none"> • В11. <i>Некоторые люди по разным причинам не принимают участия в выборах. Скажите, пожалуйста, Вы голосовали на последних выборах в Госдуму в декабре 2007 г.?</i> (варианты ответа: да, нет, не имел права). <i>Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в России или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последних 12 месяцев что-либо из того, что я сейчас назову?</i> • В13. <i>Обращались ли Вы к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти**</i> • В14. <i>Принимали участие в работе политической партии, группы, движения</i> • В16. <i>Носили или вывешивали символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации и т. п.</i> • В17. <i>Подписывали петиции, обращения, открытые письма</i> • В18. <i>Принимали участие в разрешённых демонстрациях</i> • В19. <i>Бойкотировали, отказывались от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест</i> 	Доля респондентов, голосовавших на последних выборах и одновременно предпринимавших хотя бы одно из перечисленных действий, связанных с политической активностью (принимавших участие хотя бы в одной из акций)
Интерес к политике	<ul style="list-style-type: none"> • В1. <i>Насколько Вы интересуетесь политикой?</i> (варианты ответа: очень интересуюсь, в некоторой степени интересуюсь, мало интересуюсь, совсем не интересуюсь) 	Доля респондентов, очень интересующихся политикой
Доверие политическим институтам и деятелям	<p><i>Скажите, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я Вам буду называть?</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • В4. <i>Госдума</i> • В7. <i>Политики</i> • В8. <i>Политические партии</i> <p>(от 0 – совершенно не доверяю, до 10 – полностью доверяю по каждой позиции)</p>	Доля респондентов, демонстрирующих высокий уровень доверия (6–10 баллов по 10-балльной шкале) одновременно трем адресатам

*Приведены формулировки и номера вопросов из российской анкеты 2008 г., в 2012 г. изменились номера вопросов и упоминаются выборы в Госдуму 2011 года. Все остальные формулировки во всех волнах одинаковы.

**В вопросах В13–В19 два варианта ответа: да, нет.

О методе анализа данных

Выбранный для анализа алгоритм относится к классу логико-комбинаторных методов и представляет интерес именно в ситуации небольшого объёма данных. Процедурно он достаточно прозрачен для исследователя и является одним из вариантов так называемого качественного сравнительного анализа¹ (КСА, qualitative comparative analysis, QCA). В этом алгоритме используется понятие *нечётких множеств*. Для его применения исходные данные должны быть преобразованы таким образом, чтобы объекты (в нашем случае страны) были описаны с помощью *степеней принадлежности* к различным множествам. Например, на основании значений индекса «доля лиц с высоким уровнем интереса к политике» создаётся новая переменная – «*степень принадлежности страны к множеству стран с высоким уровнем интереса к политике*». Другими словами, есть множество – страны с высоким уровнем интереса к политике, оно *нечёткое* и отдельно взятая страна относится к этому множеству в разной степени в зависимости от значения (изменяется от 0 до 1) функции принадлежности. Важно, что переход к таким новым переменным, по сути, похож на схему перекодирования (или *калибровки*). Стране приписывается: 0, если она рассматривается в качестве полностью исключённой из множества; 1, если она полностью принадлежит множеству; 0,5, если наблюдается максимальная неопределённость. Степень принадлежности стран (в интервале от 0 до 1) может быть вычислена разными способами, преобразующими значения индексов. Один из способов – это их *логарифмирование*. Эта процедура перехода от одной шкалы измерения индексов к другой и она автоматизирована в компьютерной программе fs/QCA [Ragin, Sean, 2014]². Смысл её в том, чтобы эмпирическая кривая распределения объектов по *новой переменной* была бы возрастающей. По такой кривой легко определять степень принадлежности страны к множеству (стран) с определённым интервалом уровня изменения индекса. Кроме того, «высокие значения» исходных переменных ещё более максимизируются, а низкие – минимизируются, в результате меньше стран остаётся в «зоне неопределённости» со степенью принадлежности близкой к 0,5.

Определение степени принадлежности страны к трём множествам (страны с высоким уровнем «*активности...*», «*интереса...*», «*доверия...*») происходило в режиме полуавтоматической калибровки значений индексов. Это означает, что предварительно, опираясь на основные характеристики распределения значений индексов (см. таблицу 4) были заданы её *параметры*, одинаковые для каждой волны. В результате, если две страны в разные годы имели одинаковую степень

¹ Метод предложен Ч. Рейджином в конце 1980-х гг. для реализации формализованного сравнительного анализа небольшого количества объектов [Ragin, 1987; Ragin, 2008].

² Программа доступна для скачивания бесплатно по адресу: <http://www.socsci.uci.edu/~cragin/fsQCA/software.shtml> (дата обращения: 02.02.2015).

принадлежности, например, к множеству стран с высоким уровнем «*доверия...*», то соответственно в них была одинаковая доля лиц с высоким уровнем доверия. Параметры калибровки определялись следующим образом (по таблице 4):

- Полная непринадлежность к множеству – это минимальное в трёх волнах значение индекса, округлённое до целого числа в меньшую сторону (равны: 9; 1; 1 – для «*активности...*», «*интереса...*», «*доверия...*» соответственно).

- Полная принадлежность – это максимальное значение, округлённое до целого в большую сторону (равны: 60; 22; 43).

- Максимальная неопределённость – это среднее арифметическое из медиан (равны: 24,25; 9,42; 9,15). Выбор медианы из медиан мог привести к тому, что некоторые страны получили бы степень принадлежности 0,5, а этого следует избегать в используемом алгоритме.

Таблица 4

Характеристики распределения значений индексов

Волна (год)	Показатель	Доля лиц с высоким уровнем, %		
		« <i>активность...</i> »	« <i>интерес...</i> »	« <i>доверие...</i> »
2008	Min	9,7	1,6	1,4
	Max	59,8	20,2	37,9
	Me	26,85	10,2	9,65
2010	Min	9,8	3,2	2,1
	Max	54,8	20,7	36,5
	Me	22,6	8,8	8,75
2012	Min	10,4	2,6	1,1
	Max	55,4	21,7	42,9
	Me	23,3	9,25	9,05

В результате логарифмирования значений индексов (с учётом заданных параметров) информация о странах была «переведена» на язык принадлежности к множествам. Переходя к рассмотрению процедуры классификации стран с помощью алгоритма КСА для нечётких множеств, отметим, что используется только часть его возможностей. Чаще всего метод применяется для того, чтобы установить несколько причинных объяснений одного и того же значения некоторой целевой переменной в виде комбинаций значений независимых переменных. Вместе с тем, некоторые этапы КСА, а точнее принципы и логика теории нечётких множеств, могут использоваться для измерения степени принадлежности объектов к типологическим группам, выступающим в роли «идеальных» конструкторов [Kvist, 2007; Vis, 2007]. В данной статье рассматривается именно такая задача. Опишем кратко последовательность этапов её решения.

Этап 1. Если бы классификационные признаки принимали только два значения (высокий и низкий уровни), то восемь возможных комбинаций из этих значений соответствовали бы восьми идеальным типам политических

субкультур (см. таблицу 2). Каждый из этих типов выступает в роли «идеальной» конструкции, «идеального типа» и может быть описан комбинацией из нулей и единиц. Как отмечалось, таких комбинаций¹ восемь:

000, 001, 010, 011, 100, 101, 110, 111.

Исходя из этих идеальных конструкций, формируется «истинностная таблица» (*truth table*) или таблица истинности, она состоит из строк, число которых зависит от числа комбинаций из нулей и единиц или от числа «идеальных типов». С этого начинается реализация алгоритма разбиения стран. В роли классификационных признаков — степени принадлежности к множествам с высокими уровнями «активности...», «интереса...», «доверия...».

Этап 2. Для каждой страны определяется степень принадлежности к восьми идеальным типам следующим образом. Поясним это на примере. Предположим, что для некоторой страны значение первого классификационного признака равно 0,3, второго — 0,4, третьего — 0,6. Тогда степень её принадлежности к идеальному типу 111 равна 0,3 (минимальное значение из трёх). Это правило вполне логично с содержательной точки зрения. Степень принадлежности этой страны к идеальному типу 011 равно 0,4, поскольку теперь значение первого классификационного признака становится равным 0,7 (1–0,3) и минимальным из 0,7; 0,4; 0,6 является это значение. Степень принадлежности к типу (строке) 100 определяется как минимальное значение из 0,3; 0,6, 0,4. Основываясь на этом принципе для каждой страны определяется *степень принадлежности* к каждой из строк *истинностной таблицы*.

Этап 3. Страна считается наиболее близкой к тому идеальному типу, степень принадлежности к которому для неё самая высокая. Другими словами страна приписывается к вполне определённой строке *истинностной таблицы*. Этим и завершается процедура классификации стран в нашем исследовании.² Из теории множеств вытекает, что объект будет иметь степень принадлежности выше 0,5 только к одной из всех логически возможных комбинаций, т. е. только к одному идеальному типу.

Результаты классификации стран

Для каждой из трёх волн (2008, 2010, 2012 гг.) была проведена классификация стран (см. таблицы 5–7) в зависимости от трёх классификационных признаков. Перечень стран в таблицах приводится в порядке убывания степени принадлежности к идеальному типу.

¹ Заметим, что используемый алгоритм работает с разным числом переменных и для других случаев количество комбинаций такого рода равно $2k$, где k — число переменных.

² При использовании метода КСА в полном объёме продолжением служит введение целевого показателя и установление различных комбинаций значений независимых переменных, детерминирующих значения зависимого.

Таблица 5

Результаты классификации стран (2008 г.)
(в скобках – степень принадлежности к классу)

«Активность...»	«Интерес...»	«Доверие ...»	
		Высокое	Низкое
Высокая	Высокий	Дания (0,91), Швеция (0,7), Швейцария (0,7), Нидерланды (0,56), Норвегия (0,53), Великобритания (0,53)	Франция (0,73), Германия (0,6)
	Низкий	Финляндия (0,62), Бельгия (0,6), Испания (0,52)	-
Низкая	Высокий	Кипр (0,52)	Израиль (0,75), Украина (0,58), Болгария (0,56)
	Низкий	Словакия (0,55), Россия (0,51)	Литва (0,84), Португалия (0,84), Польша (0,72), Чехия (0,72), Эстония (0,59), Венгрия (0,58), Словения (0,51)

Таблица 6

Результаты классификации стран (2010 г.)
(в скобках – степень принадлежности к классу)

«Активность...»	«Интерес...»	«Доверие ...»	
		Высокий	Низкий
Высокая	Высокий	Дания (0,84), Швеция (0,79), Нидерланды (0,71), Швейцария (0,67), Великобритания (0,55), Норвегия (0,52)	Франция (0,74), Германия (0,6)
	Низкий	Финляндия (0,69), Бельгия (0,51)	Испания (0,6)
Низкая	Высокий	Кипр (0,58)	Израиль (0,71)
	Низкий	Венгрия (0,52), Россия (0,52), Эстония (0,51)	Литва (0,85), Португалия (0,81), Украина (0,75), Польша (0,74), Словения (0,68), Словакия (0,59), Чехия (0,58), Болгария (0,51),

Таблица 7

Результаты классификации (2012 г.)
(в скобках – степень принадлежности к классу)

«Активность...»	«Интерес...»	«Доверие ...»	
		Высокое	Низкое
Высокая	Высокий	Дания (0,83), Швеция (0,69), Швейцария (0,69), Нидерланды (0,65), Норвегия (0,58), Великобритания (0,57), Германия (0,54), Израиль (0,54), Финляндия (0,52)	Франция (0,74) Испания (0,64)
	Низкий	Бельгия (0,55)	Словакия (0,52)
Низкая	Высокий	-	Болгария (0,6), Кипр (0,6)
	Низкий	Венгрия (0,6), Чехия (0,54)	Португалия (0,86), Украина (0,8), Польша (0,77), Литва (0,73), Россия (0,66), Словения (0,66), Эстония (0,57)

Результаты в обобщённом виде представлены в таблице 8.

Таблица 8

Типологическая структура стран в зависимости от её устойчивости
(в скобках обозначен год опроса)

«Активность...»	«Интерес...»	«Доверие...»	
		Высокое	Низкое
Высокая	Высокий	Дания, Швеция, Швейцария, Нидерланды, Норвегия, Великобритания, Германия (2012), Израиль (2012), Финляндия (2012)	Франция, Германия (2008, 2010), Испания (2010, 2012)
	Низкий	Бельгия, Финляндия (2008, 2010), Испания (2008)	<u>Словакия (2012)</u>
Низкая	Высокий	<i>Кипр (2008, 2010)</i>	<i>Израиль (2008, 2010), Болгария (2008, 2012), Кипр (2012), Украина (2008)</i>
	Низкий	<i>Венгрия (2010, 2012), Россия (2008, 2010), Чехия (2012), Эстония (2010), Словакия (2008)</i>	Литва, Португалия, Польша, Словения, Украина (2010, 2012), Чехия (2008, 2010), Эстония (2008, 2012), Россия (2012), Венгрия (2008), Болгария (2010), Словакия (2010)

Примечание. Жирным шрифтом выделены страны, попавшие в один и тот же класс во всех трёх волнах (2008, 2010, 2012 гг.); курсивом – страны, оказавшиеся в одном и том же классе в двух волнах из трёх; подчеркнуты страны, изменявшие своё расположение во всех волнах.

Несмотря на ограниченное число исходных для измерения политической культуры эмпирических индикаторов, были получены эмпирические закономерности, содержательная интерпретация которых позволяет сделать вывод о значительности познавательных возможностей логико-комбинаторных подходов в анализе данных малого объёма. Рассмотрим более подробно полученные закономерности, дополнительно для наглядности вводя в процессе интерпретации буквенные обозначения идеальных типов. Например, **ВНВ** (высокий уровень «активности...»), низкий уровень «интереса...», высокий уровень «доверия...»), а для иллюстрации изменения «статуса» страны введём условные обозначения вида (**ННВ**, **ННВ**, **ННВ**). Здесь это означает, что статус страны в трёх волнах не изменился и остался низким по уровням «активности...» и «интереса...», но высоким по уровню «доверия...».

- В половине случаев (12 из 24) по данным всех трёх волн ESS страны относятся к одному и тому же классу, т. е. остаются ближе к одному и тому же типу политической субкультуры на протяжении всего рассматриваемого периода (в таблице 8 они выделены жирным шрифтом). Эту ситуацию можно трактовать как *максимальную устойчивость и стабильность политической культуры*. Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания оказались ближе всего к типу субкультуры «гражданского участия» (**ВВВ**); Франция – «автономной» (**ВВН**), Бельгия – «клиентистской» (**ВНВ**); Литва, Польша, Португалия, Словения – «приходской» (**ННН**).

- Значительная по количеству часть стран (10 из 24) проявляет *меньшую степень устойчивости* характеристик политической культуры и остаётся в одном и том же классе только в двух волнах из трёх (эти страны выделены в таблице 8 курсивом). При этом важно то, в каком направлении произошли изменения. Иногда наблюдается повышение условно «статуса» страны, а иногда понижение. Так, Германия повысила: в 2008 и 2010 гг. была отнесена к типу «автономная» политическая культура (**ВВН**), а в 2012 г. – «гражданского участия» (**ВВВ**). Финляндия в 2008 и 2010 гг. оказалась ближе всего по характеристикам политической культуры к типу «клиентистская» (**ВНВ**), а в 2012 г., так же как и Германия, переместилась в класс культуры «гражданского участия» (**ВВВ**). «Статус» её повысился. По одинаковой «траектории» изменилось положение Чехии (**ННН**, **ННН**, **ННВ**) и Венгрии (**ННН**, **ННВ**, **ННВ**), однако вторая переместилась в другой класс раньше. В вышеупомянутых случаях страны переходили в соседние классы. В этом плане интересен случай Израиля (**НВН**, **НВН**, **ВВВ**), повысившего свой «статус» сразу по двум показателям из трёх, приблизившись к типу политической культуры «гражданского участия».

- Понизился «статус» трёх стран. Кипр в 2008 и 2010 гг. был отнесён к классу «**НВВ**», а в 2012 г. оказался ближе к «**НВН**». В одинаковом направлении переместились Россия (**ННВ**, **ННВ**, **ННН**) и Украина

(**НВН**, **ННН**, **ННН**), последняя совершила переход в класс «**ННН**» раньше и с более высокой степенью принадлежности. Сохранение низкого уровня интереса к политике в России и Украине на протяжении всех трёх волн представляется несколько странной закономерностью и может быть обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, учитывалась доля только «очень» интересующихся политикой. Вряд ли этого достаточно для измерения уровня «*интереса*». Во-вторых, «низкий» в данном случае означает ниже среднего (относительно всех остальных стран). Например, в России доля лиц с высоким уровнем «*интереса...*» в волнах колеблется в интервале 7,1–8,3%, оставаясь на уровне лишь чуть ниже среднего (9,42%), и дихотомизация огрубляет картину. Но если обратить внимание на степень принадлежности России к классу **ННН** в 2012 г. (0,66), то это далеко не максимальное значение. И четыре страны опережают её со значениями 0,73–0,86.

• Две страны демонстрируют противоречивые в содержательном плане сдвиги: Болгария (**НВН**, **ННН**, **НВН**) и Эстония (**ННН**, **ННВ**, **ННН**). Однако эти переходы в определённой степени были предсказуемы. Так, степень принадлежности Болгарии к классу «**НВН**» («наблюдатели») в 2008, 2010 и 2012 г. составляла 0,56; 0,49 и 0,6 соответственно, а к классу «**ННН**» («приходская») – 0,44; 0,51 и 0,4. Тем самым Болгария была достаточно близка к этим двум классам во всех трёх волнах, но каждый раз была отнесена к тому, к которому оказывалась чуть ближе. Также в случае с Эстонией: принадлежность к классам «**ННН**» и «**ННВ**» колебалась в интервале 0,37–0,59, приводя к перемещениям страны (0,59; 0,49; 0,57 для «**ННН**» и 0,37; 0,51; 0,43 для «**ННВ**»).

• В абсолютном большинстве случаев перемещение происходит в соседний класс, т. е. изменяется значение только одного из типобразующих признаков. При этом чаще всего изменяется уровень либо доверия, либо интереса к политике. Вероятно, эти два показателя в большей степени подвержены влиянию ситуативных факторов, чем политическая активность.

• Только в случае с двумя странами проявилась *максимальная изменчивость характеристик политической культуры*, о чём свидетельствует перемещение этих стран из одного класса в другой во всех трёх волнах. Испания в 2008 г. относилась к классу «клиентистской» политической культуры (**ВНВ**), в 2010 г. переместилась в класс «протестной» (**ВНН**), а в 2012 г. – «автономной» (**ВВН**). Словакия в 2008 г. ближе всего оказалась к типу политической культуры «подчинения» (**ННВ**), в 2010 – «приходской» (**ННН**), в 2012 г. – «протестной» (**ВНВ**). Несмотря на такое непостоянство, необходимо отметить, что обе страны каждый раз перемещались в тот класс, степень принадлежности к которому в предыдущей волне была второй по величине и находилась в пределах 0,4–0,47. Тем самым переходы были в определённой мере предсказуемы. Приближение к разным типам политических субкультур в разные годы может свидетельствовать об их сопоставимой распространённости в стране, отсутствии доминирующего типа.

На основании представленных расчётов могут быть выделены несколько групп стран, проявляющих устойчивое сходство по характеристикам политической культуры на протяжении двух-трёх волн опросов – позволяющих сформулировать гипотезы о существовании типов. Для выявления и обоснования существования последних

требуется обращение к большему числу эмпирических индикаторов. Как отмечалось ранее, в качестве таковых могут быть использованы показатели, характеризующие распространённость *низкого* уровня «активности...», «интереса...», «доверия...».

В качестве примера сопоставим результаты двух классификаций: по «высоким...» и «низким...» уровням для 2008 г. (см. таблица 9).

Таблица 9

Результаты сравнения двух классификаций (2008 г.)

(в скобках – степени принадлежности объектов к типу по первой и второй классификации)

Идеальные типы	Совпадающие классы		Несовпадающие классы
	В максимальной степени	В меньшей степени	
ВВВ	Дания (0,91; 0,94), Швеция (0,7; 0,79), Нидерланды (0,56; 0,81)	Норвегия (0,53; 0,48), Великобритания (0,53; 0,47), <i>Германия</i> (0,4; 0,53), <i>Бельгия</i> (0,4; 0,51), <i>Финляндия</i> (0,38; 0,51)	Швейцария (0,7; ...), <i>Франция</i> (...; 0,6)
ВВН	-	Франция (0,73; 0,4), Германия (0,6; 0,47), <i>Великобритания</i> (0,47; 0,53)	-
ВНВ	-	Финляндия (0,62; 0,49), Бельгия (0,6; 0,49), Испания (0,52; 0,45), <i>Норвегия</i> (0,47; 0,52)	Кипр (...; 0,57)
ВНН	-	<i>Словакия</i> (0,43; 0,53)	Украина (...; 0,55)
НВВ	-	-	Кипр (0,52; ...), Швейцария (...; 0,79), Словения (...; 0,53),
НВН	Израиль (0,75; 0,52)	Болгария (0,56; 0,48),	Украина (0,58; ...)
ННВ	-	Россия (0,51; 0,49), <i>Испания</i> (0,48; 0,55)	Словакия (0,55; ...)
ННН	Литва (0,84; 0,78), Португалия (0,84; 0,78), Чехия (0,72; 0,85), Польша (0,72; 0,63), Эстония (0,59; 0,56), Венгрия (0,58; 0,64)	<i>Болгария</i> (0,44; 0,52), <i>Россия</i> (0,49; 0,51)	Словения (0,51; ...)

Примечание. Жирным шрифтом выделены страны, отнесённые к одному тому же классу по результатам двух классификаций. Обычным шрифтом – по результатам первой («высокий...»), курсивом – второй («низкий...»). Многоточие соответствует ситуации крайне низкой степени принадлежности.

В максимальной степени совпал «статус» для девяти стран, совершенно не совпал – для пяти. Остальные можно отнести к категории «плавающих» классов, по ним были получены частичные совпадения. Используемый в исследовании алгоритм классификации таков, что каждая страна приписывается к тому идеальному типу, к которому степень принадлежности выше 0,5 (ко всем остальным она ниже). В некоторых случаях объект обладает не очень высокой степенью принадлежности к типу, к которому был отнесён (от 0,51 до 0,6). В подобной ситуации есть ещё как

минимум один тип, к которому объект близок «во вторую очередь» (со степенью принадлежности от 0,4 до 0,49). Учёт этой информации позволяет утверждать, что в целом обе классификации дали схожие результаты для подавляющего числа стран.

Например, Германия по результатам первой классификации была отнесена к типу «ВВН» (со степенью принадлежности 0,6), при этом она была достаточно близка к типу «ВВВ» (степень принадлежности 0,4). По результатам второй классификации наоборот: страна оказалась чуть ближе к «ВВВ» (0,53), чем к «ВВН» (0,47). Однако в обоих случаях использование по-разному сконструированных индикаторов позволило установить, что максимально Германия приблизилась именно к двум типам («ВВН» и «ВВВ»). В этом случае мы говорим о совпадении результатов классификации, но в меньшей степени.

Наличие «плавающих» классов позволяет выдвинуть предположение об отсутствии в ряде стран явно доминирующей или превалирующей политической субкультуры из типологии Ф. Хойнкса и Ф. Хикспурса.

* * *

По результатам проведённого исследования позволительно в теоретико-методическом ключе сделать два важных вывода.

- Результаты свидетельствуют о достаточной устойчивости типологических структур стран по характеристикам политической культуры. Одни страны на протяжении нескольких лет сохраняют высокие показатели политической культуры населения, а другие, напротив — низкие. При этом в одних и тех же или соседних классах оказываются схожие или соседствующие страны. С одной стороны, это в очередной раз подтверждает представление о сложившихся группах («семействах») стран, представляющих собой различные макрорегионы (Северная Европа, страны Средиземноморья, Центральной Европы и др.), демонстрирующие сходства по самым различным характеристикам (социального, экономического и политического развития) на протяжении длительного времени. С другой стороны, это иллюстрирует познавательные возможности класса логико-комбинаторных методов в качестве инструментального средства социолога. К сожалению, в отечественной социологии не уделяется достаточного внимания этим методам и необходима актуализация этой проблематики не только для внедрения западных разработок, но и использования отечественных [ДСМ-метод ..., 2009].

- Результаты выявляют и трудно интерпретируемые эмпирические закономерности (по Болгарии, Эстонии и др.). Они могут объясняться: дизайном выборки в разные годы; небольшим числом типобразующих признаков; неадекватностью моделей измерения некоторых из них, выбор которых был детерминирован ситуацией вторичной концептуализации. Другим возможным объяснением противоречивых переходов стран из одного класса в другой является доминирование не одной, а нескольких политических субкультур в ряде стран. Поэтому в качестве рекомендации для дальнейших исследований в области измерения политической культуры необходимо обратить внимание на то, что восемь «идеальных типов» должны выступать в роли типобразующих признаков для проведения типологического анализа стран в восьмимерном пространстве классификационных признаков.

Список литературы

ДСМ-метод автоматического порождения гипотез: логические и эпистемологические основания / Сост.: О. М. Аншаков, Е. Ф. Фабрикантова; Под общ. ред. О. М. Аншакова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 432 с.

Европейское социальное исследование в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института сравнительных социальных исследований «CESSI». 2014. URL: <http://ess-ru.ru/> (дата обращения: 02.02.2015).

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис 1997. № 4. С. 18–28.

Кофанова Е. Н. Политическая культура и образование в зеркале общественного мнения // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г. А. Ключарёв. М.: ИС РАН, 2008. С. 206–224.

Красильникова М. Динамика социальных настроений и их влияние на поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1(57). С. 24–34.

Кученкова А. В. Концептуальные модели политической культуры: к вопросу об интеграции социологического и математического знания // Интеллигенция: естественнонаучные, социальные и гуманитарные знания на пути интеграции. М.: РГГУ, 2014. С. 309–320.

Кученкова А. В., Татарова Г. Г. Стратегия применения логико-комбинаторных методов в процедурах типологического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 36. С. 7–35.

Назаров М. М. Политическая культура российского общества 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 1998. — 176 с.

Патрушев С. В. Российская политическая культура как система диспозиционных ориентаций: что нового? // Политическая наука. 2003. № 6. С. 75–94.

Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политическая культура и социальные изменения: международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. — 368 с.

Татарова Г. Г. Концепт «социальный тип» в эмпирических исследованиях // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы очередного IV Всероссийского социологического конгресса [Электронный ресурс] // Официальный сайт РОС. 2012. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part50.pdf> (дата обращения: 14.01.2015).

Татарова Г. Г. Типологический анализ как исследовательская стратегия // Социологические методы в современной исследовательской практике. Материалы Всероссийской научной конференции памяти А. О. Крыштановского. М.: ГУ ВШЭ. 2007а. С. 114–123.

Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Изд-ий дом «Высшее образование и наука», 2007б. С. 79–105.

Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Фонд «Общественное мнение», 2004. – 559 с.

Heunks F., Hiksipoors F. Political culture 1960–1990 // Moor I. Values in Western societies. Tilburg: Tilburg University Press, 1996. P. 51–82.

Kvist J. Fuzzy set ideal type analysis // Journal of Business Research. 2007. № 60. P. 474–481.

Newton K., Montero J. R. Patterns of political and social participation in Europe // Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G., eds. Measuring attitudes cross-nationally. Lessons from the European Social Survey. London: SAGE Publications, 2007. P. 205–238.

Ragin C. C. Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond. University of Chicago Press 2008. – 240 p.

Ragin Ch., Sean D. fs/QCA [Computer Programme], Version 2.5. Irvine, CA: University of California. 2014.

Ragin C. C. The comparative method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press. 1987. – 185 p.

Stoop I. If it bleeds, it leads: the impact of media-reported events // Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G., eds. Measuring attitudes cross-nationally. Lessons from the European Social Survey. London: SAGE Publications, 2007. P. 95–112.

Vis B. States of welfare or states of workfare? A fuzzy-set ideal type analysis of major welfare state restructuring in sixteen advanced capitalist democracies, 1985–2002 // Policy & Politics. 2007. Vol. 35. № 1. P. 105–122.

Typological Structure of Countries Based on Characteristics of The Political Culture of the Population

The article was prepared by the project №14-03-00279 «Logical combinatorial methods as a means of typological analysis in sociology» supported by the Russian Foundation for Humanities

Kuchenkova Anna Vladimirovna

Candidate of Sociological Science, Associate Professor of Department of Applied Social Sciences of Russian State Humanitarian University. Miusskaya Sq., 6, 152903, GSP-3, Moscow, Russia. E-mail: a.kuchenkova@rggu.ru

Tatarova Galina Galeevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Scientific Officer of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: tatarova-gg@rambler.ru

Abstract. The paper covers an appraisal of a logical and combinatory approach to discover the topological structure of a country by the characteristics of the political culture of its population. This approach is useful for analysis of a small amount of data and uses means of qualitative comparative analysis (QCA) over fuzzy sets. The empirical basis is the primary data by the European sociological research (ESS project), from three waves (2008, 2010, 2012). Secondary conceptualization of collected data provides the basis for switching from individual to group changes in political culture of a country. A type system forming characteristics is introduced, based on theoretical typology of political subcultures by F. Heunks and F. Hikspoors. Such characteristics include: political activity, interest, and trust in political figures and institutions. A switch is taking place from type forming characteristics to empirical indicators and, later, to classification features (as indexes). Countries are broken down according to each of the waves. By comparing discovered typological structures, it is determined if the structures are stable enough, illustrating the cognitive ability of the logical-and-combinatory approach as a sociological instrument.

Keywords: cross-cultural studies, secondary conceptualization, indicators of political culture, typological structure, characteristics for building typology, logical-combinatorial method.

REFERENCES

DSM-metod avtomatičeskogo porozhdenija gipotez: logičeskie i jepistemologičeskie osnovanija / Sost.: O. M. Anshakov, E. F. Fabrikantova; Pod obshh. red. O. M. Anshakova. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 432 s.

Evropejskoe social'noe issledovanie v Rossii [Jelektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Instituta sravnitel'nyh social'nyh issledovanij «CESSI». 2014. URL: <http://ess-ru.ru/> (data obrashhenija: 02.02.2015).

Inglhart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva. J. Polis 1997. № 4. S. 18–28.

Kofanova E. N. Politicheskaja kul'tura i obrazovanie v zerkale obshhestvennogo mnenija. J. Nepreryvnoe obrazovanie v politicheskom i jekonomičeskom kontekstah / Otv. red. G. A. Ključarjov. M.: IS RAN, 2008. S. 206–224.

Krasil'nikova M. Dinamika social'nyh nastroenij i ih vlijanie na povedenie rossijan. J. Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2002. № 1(57). S. 24–34.

Kuchenkova A. V. Konceptual'nye modeli politicheskoi kul'tury: k voprosu ob integracii sociologičeskogo i matematičeskogo znanija. J. Intelligencija: estestvennonauchnye, social'nye i gumanitarnye znanija na puti integracii. M.: RGGU, 2014. S. 309–320.

Kuchenkova A. V., Tatarova G. G. Strategija primenenija logiko-kombinatornyh metodov v procedurah tipologičeskogo analiza. J. Sociologija: metodologija, metody, matematičeskoe modelirovanie. 2013. № 36. S. 7–35.

Nazarov M. M. Politicheskaja kul'tura rossijskogo obshhestva 1991–1995 gg.: opyt sociologičeskogo issledovanija. M.: Jeditorial URSS, 1998. – 176 s.

Patrushev S. V. Rossijskaja politicheskaja kul'tura kak sistema dispozicionnyh orientacij: čto novogo? J. Politicheskaja nauka. 2003. № 6. S. 75–94.

Rukavishnikov V. O., Halman L., Jester P. Politicheskaja kul'tura i social'nye izmenenija: mezhdunarodnye sravnenija. M.: Sovpadenie, 1998. – 368 s.

Tatarova G. G. Koncept «social'nyj tip» v jempiricheskikh issledovanijah. J. Sociologija i obshhestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie. Materialy ocherednogo IV Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa. [Jelektronnyj resurs]. Oficial'nyj sayt ROS. 2012. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part50.pdf> (data obrashhenija: 14.01.2015).

Tatarova G. G. Tipologicheskij analiz kak issledovatel'skaja strategija. J. Sociologicheskie metody v sovremennoj issledovatel'skoj praktike. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii pamjati A. O. Kryshchanovskogo. M.: GU VShJe. 2007a. S. 114–123.

Tatarova G. G. Osnovy tipologicheskogo analiza v sociologicheskikh issledovanijah. M.: Izd-ij dom «Vysshee obrazovanie i nauka», 2007b. S. 79–105.

Caller Dzh. Proishozhdenie i priroda obshhestvennogo mnenija. M.: Fond «Obshhestvennoe mnenie», 2004. – 559 s.

Heunks F., Hikspos F. Political culture 1960–1990 // Moor I. Values in Western societies. Tilburg: Tilburg University Press, 1996. P. 51–82.

Kvist J. Fuzzy set ideal type analysis // Journal of Business Research. 2007. № 60. P. 474–481.

Newton K., Montero J. R. Patterns of political and social participation in Europe // Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G., eds. Measuring attitudes cross-nationally. Lessons from the European Social Survey. London: SAGE Publications, 2007. P. 205–238.

Ragin C. C. Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond. University of Chicago Press 2008. – 240 p.

Ragin Ch., Sean D. fs/QCA [Computer Programme], Version 2.5. Irvine, CA: University of California. 2014.

Ragin C. C. The comparative method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press. 1987. – 185 p.

Stoop I. If it bleeds, it leads: the impact of media-reported events // Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G., eds. Measuring attitudes cross-nationally. Lessons from the European Social Survey. London: SAGE Publications, 2007. P. 95–112.

Vis B. States of welfare or states of workfare? A fuzzy-set ideal type analysis of major welfare state restructuring in sixteen advanced capitalist democracies, 1985–2002 // Policy & Politics. 2007. Vol. 35. № 1. P. 105–122.